

- ²¹ Logik. 120. (Логика. 420—421.)
²² Logik. 105. § 24. (Логика. 407.)
²³ Logik. 105, прим. 1. (Логика. 407.)
²⁴ Logik. 107, прим. (Логика. 409.)
²⁵ Logik. 123. § 63. (Логика. 423.)
²⁶ Logik. 98. § 14. (Логика. 401—402.)
²⁷ См. выше 2.1 и прим. 23.
²⁸ Logik. 106/107. § 28. (Логика. 408—409.)
²⁹ Logik. 129/130. §§ 77 и 78. (Логика. 429—430.)
³⁰ Logik. 146. § 110. Ср. 96. § 8. (Логика. 441. 399—400.) (Ср. также В 379—380 — 3, 355—356).
³¹ Logik. 105. § 25. (Логика. 407—408.)
³² Logik. 105. (Логика. 408.)
³³ Logik. 106. § 26. (Логика. 408.)
³⁴ Logik. 129. §§ 75, 76. (Логика. 428—429.)
³⁵ Logik. 129. (Логика. 428—429.)

³⁶ По-иному выгядит вывод разума, основанный на гипотетическом силлогизме, в трансцендентальной философии. В качестве его посылок фигурируют (а) гипотетический силлогизм и (b) принцип разума: если дано обусловленное, то должна быть дана целокупность условий. Заключение представляют собой тезис и антитезис антиномий (ср. В 379/380 — 3, 355—356).

Перевод с английского В. Н. Брюшинкина.

Кант и проблема текстового а priori

И. Д. КОПЦЕВ

(Калининградский государственный университет)

Цель настоящей статьи — затронуть вопрос о текстовом априори, исходя как из буквы, так и из духа Кантова учения об общих априорных предпосылках получения научного знания. Такая постановка вопроса вполне правомерна, потому что Кант, по мнению Ю. С. Степанова, «впервые определенно связал функции мышления с формами суждений и, следовательно, предложил путь, не рассуждая об этом специально, от форм суждений к формам языка»¹. Несомненно, прав Г. Гиппер в том, что «именно язык доставляет нам прекрасный пример того синтеза чувственности и рассудка, которого так ищет Кант»².

Действительно, двойственная природа языкового знака, его обращенность, с одной стороны, своей материальной стороной к чувственности, а идеальной стороной к сознанию и мышлению, с другой, как нельзя лучше подходит на роль того чувственного многообразного, данного в эмпирическом созерцании, которое затем синтезируется с помощью априорных форм созерцания и мышления с целью получения предметного знания о мире.

«Категорический синтез», — говорит П. Рос, — есть синтез, непосредственно связанный с языком, с высказыванием. ...Мы не можем говорить, не производя категориального синтеза. И мы не можем производить категориальный синтез вне акта говорения»³. Подобное же отмечает и С. А. Чернов: «Мышление обнаруживает и реализует себя в природном материале — в

звуках речи, знаках письменности, чертежах, поступках, предметах материальной культуры, одним словом, в продуктах человеческой деятельности»⁴. Также Г. Шенрих: «Спрашивать о вещах без посредства знаковой деятельности — все равно, что спрашивать о значении без знаков»⁵.

Интересно отметить, что первые попытки применить кантовские категории к обсуждению языковых проблем восходят к 1805 г. На это, в частности, указывает К. Розенкранц в своей «Истории Кантовой философии»: «Неизвестный издал в Кенигсберге в 1805 году книгу «Философские принципы общего учения о языке по Канту и Сэю с подробным анализом последним указанных принципов». Автор упоминает, что он был другом Канта и представил ему свой проект системы языка на отзыв, который однако, затерялся затем среди бумаг. «Эта работа написана,— говорит Розенкранц,— со знанием дела и с умом. Специальное применение Кантовой системы прилагается в конце, где на основе таблицы категорий особенно глубоко излагаются глагол и синтаксис»⁶.

Эта попытка — яркое свидетельство того, что сама теория познания Канта, ввиду ее универсального характера, дает повод к ее лингвосомиотической интерпретации, о чем свидетельствуют и работы по философии языка последних лет⁷.

Трансцендентальное синтетическое единство апперцепции, выражающееся в формуле «я мыслю» и обуславливающее единство его самосознания, оказалось бы, говоря словами Канта, «мертвой, неизвестной нам способностью, сокрытой в глубинах человеческой души»⁸, если бы ее коррелятом не выступала речевая способность («Я говорю») того же самого субъекта как средство объективации «я мыслю». У Канта сказано: «Как только станет понятным, что это за тайная сила, которая делает возможным производство суждения, как Гордиев узел будет тотчас развязан. Мое мнение в настоящее время таково, что эта сила и умение есть не что иное, как способность внутреннего чувства делать свои собственные представления объектом своего мышления»⁹. Здесь Кант имеет в виду способность суждения, которая, разумеется, не может обойтись без помощи языка — «этого замечательного средства познать себя и других»¹⁰.

Мышление как деятельность по получению знания об объектах мира есть прежде всего знаковая деятельность, так как язык поставляет ему для рефлексии материал, которым оно оперирует. «Все понятия, вместе с ними и все основоположения,— говорит Кант,— какими бы априорными они ни были, должны соотноситься с эмпирическими созерцаниями как материалом возможного опыта. Без этого они не имеют никакой объективной значимости, а являются всего лишь игрой способности воображения или рассудка своими представлениями»¹¹.

Устремленность мышления на объект познания, формирование его с помощью категорий захватывает на этом пути и зна-

ки языка, создавая текстовую модель того объекта, о котором идет речь. Поэтому вопрос о том, как возможен опыт априори, должен быть относительно текста преобразован в вопрос: «Как возможен текст априори?» и, следовательно, в вопросы: «Как возможен синтаксис априори?», «Как возможна семантика текста априори?» и «Как возможна прагматика текста априори?» Решение этих вопросов требует различного применения категорий, а возможно, и других категорий (предикабилей), которые могут быть выведены в том, что касается организации текста, из основных категорий, наметки которых содержатся в самих текстах Канта.

Языковые знаки как материальные явления (экстенсивные и интенсивные величины) существуют в пространстве и времени как чистых формах созерцания и подчинены как явления этим формам. Пространство текста, в котором они являются, следует поэтому также считать априорным условием возможности знаков как эмпирических явлений, так как, говоря словами Канта, для того, чтобы я мог представить их как находящихся вне меня или как следующих друг за другом, т. е. как находящихся в разных местах текста, представление пространства должно быть уже дано¹². Кант называет это пространство, как известно, логическим пространством: «Каждое понятие, каждую рубрику, под которую подпадают многие другие понятия, можно назвать логическим местом»¹³. Чувственным коррелятом этого логического места выступают либо схемы, либо, если речь идет о таких понятиях, которым не может быть дано созерцание, символы. Способность суждения оперирует такими символами аналогично тому, как она это делает со схемами. Аналогия эта не содержательная, а всего лишь формальная, необходимая для обеспечения логической операции рефлексии. При этом способность суждения рефлектирует о предмете, по отношению к которому чувственный знак (в нашем случае это языковой знак) выступает средством «косвенного изображения понятия»¹⁴. Пространство, в котором совершается это «изображение понятия», и есть пространство текста, как априорная форма созерцания знаков, благодаря которой синтез знаков с целью получения предметного знания только и становится возможным. Вне текста языковые знаки и правила их связи существуют лишь как инвентарь, многообразный материал, как возможная материя опыта (текста). Только в пространстве текста действуют те правила синтеза знаков, о которых Кант говорит следующее: «Если я не буду постоянно удерживать в памяти и репродуцировать предыдущие элементы (первые отрезки линии, предшествующие моменты времени *или сменяющие друг друга единицы*) при переходе к последующим, то я никогда не смогу получить ни одного целостного представления и ни одной из предыдущих, пусть даже самых чистых мыслей, ни первых основополагающих представлений пространства и времени»¹⁵. В при-

менении к тексту это означает, что, для того, чтобы получить целостные семантические единицы речи, необходимо удерживать в памяти предыдущие элементы слова, словосочетания, предложения и текста. В «Рефлексиях к антропологии» Кант выражается в еще более определенных для текста словах: «При говорении мы всегда несколько возвращаемся назад и заглядываем вперед, без чего связь была бы невозможна»¹⁶.

Для того чтобы мыслить себе текст как нечто связное, представление связи уже должно быть дано. Так как связь, по Канту, есть единственное представление, которое не может быть заимствовано из опыта, ибо сам опыт возникает благодаря ей, то она априорна. Но дадим слово Канту: «Связь не находится в предметах и не может быть заимствована из них посредством восприятия и внесена тем самым в сознание, а есть единственно продукт рассудка, который есть не что иное, как способность связывать априори и подводить многообразное данных представлений под единство апперцепции, каковое положение есть высшее во всем человеческом познании»¹⁷. Эту способность Кант называет способностью суждения.

Продуктом способности суждения как рефлексии о предметах вообще является суждение и, естественно, текст как глобальное суждение, или макросуждение. К последнему вполне применимы пять основных критериев, или качеств, выдвинутых Г. Шенрихом по отношению к простому суждению — предположению, а именно: (1) компетентная субъективность, (2) чистая априорность, (3) рефлексивность, (4) конститутивность, (5) единая функциональность¹⁸.

(1) Операциональный аспект порождения суждения как текста предполагает деятельность субъекта по его порождению, т. е. наличие у него компетенции для обеспечения этой деятельности.

(2) Правила деятельности говорящего по порождению текста не могут быть выведены из самой этой деятельности, так как сама эта деятельность становится возможной лишь благодаря этим правилам. Для того, чтобы текст был положен как некое упорядоченное многообразное, правила упорядочивания должны быть заранее даны.

(3) Порождая текст, говорящий субъект знает себя как агента знаковой деятельности, так как каждый речевой акт его есть продукт его речевой способности. Важность рефлексии как логической операции Кант подчеркивает специально, говоря, что «все суждения и даже более того все отношения сравнения нуждаются в рефлексии»¹⁹. В другом месте он указывает, что «понятия рассудка мыслятся априорно до опыта и с целью его получения, но они не содержат ничего, кроме единства рефлексии о явлениих в той мере, в какой это необходимо для получения возможного опыта»²⁰. Однако в целом рефлексия как речемыслительная операция не получила у Канта должного осве-

шения. По мнению К. Розенкранца, Кант должен был уделить рефлексивным категориям больше внимания, ибо они с полным правом могут претендовать на то, чтобы выступать в качестве чистых форм созерцания и мышления и рассматриваться как необходимые элементы познания, а не упоминаться лишь в качестве приложения к главе об амфиболиях²¹. На важность рефлексивных понятий у Канта указывает также И. С. Нарский: «...Однако фактически «противоречие» и «тождество», как и другие рефлексивные понятия Канта, не менее важны, чем основные его категории»²².

(4) Конститутивность правил порождения текста состоит в том, что они не могут быть нарушены без того, чтобы текст оставался текстом.

(5) И, наконец, правило есть общее условие, в соответствии с которым некое многообразное может быть положено как текст. В этой связи уместно привести следующие слова Канта: «Когда мы размышляем о предмете, мы всегда должны судить предварительно и как бы предвосхищать то познание, которое еще должно быть получено путем размышления. Точно так же и при попытках что-либо изобрести или открыть всегда нужно составлять себе предварительный план, иначе течение мыслей будет лишь случайно»²³.

Приведенное выше высказывание Канта формулирует, по сути, правило темы текста. Дело в том, что в отличие от суждения-предложения, в котором имеет место отношение субъекта суждения к его предикату (подлежащим и сказуемым), текстовое суждение характеризуется отношением темы и текста. Тема — условие, текст — обусловленное. Отношение темы как импликата и текста как ее экспликата есть, по существу, отношение тождества априори, так как процесс порождения текста предполагает тождество темы и текста заданным: текст — операциональный аспект темы, а тема — свернутый текст. О том, что соблюдение темы в речевом произведении является правилом, свидетельствует и наша повседневная речевая практика, когда мы говорим «не отклоняйся от темы», или «мы, кажется, ушли от темы» и др. В этой связи Ван Дейк замечает: «Мы интуитивно ощущаем, что такие темы или тематические элементы каким-то образом организуют все наиболее важное в тексте. Они, по сути, определяют «итог» того, что сказано или написано»²⁴.

Однако тема отличается от текста тем, что тема — понятие синтетическое, а текст — аналитическое. Последнее предполагает первое, ибо, по Канту, «там, где рассудок ничего не связал, там ему и нечего расчленять»²⁵.

Другой особенностью текстового суждения является то, что оно в отличие от суждения-предложения *обладает качеством реального определения*, в то время как первое представляет собой обычно номинальное определение, сопоставляющее дефиниендуму

лишь другое, более понятное название. Текстовое определение характеризуется также полнотой. Эти отличия функциональны. В их основе лежат разряды категории количества «одно», «много», «единое» в их логическом применении. «В каждом познании объекта,— говорит Кант,— участвуют, во-первых, единство понятия, которое можно назвать качественным единством, так как под ним мыслится лишь единство связи многообразного содержания, подобно единству темы в пьесе, речи, басне. Во-вторых, истинность относительно следствий: чем больше следствий из данного понятия, тем больше признаков его объективной реальности. Это можно назвать качественным многообразием признаков, которые относятся к понятию как их общей основе (они не мыслятся в нем как величины). И, наконец, полнота, состоящая в том, что многообразное возвращается вновь к единству понятия и совпадает полностью лишь с ним и ни с каким другим, что можно назвать качественной полнотой (тотальностью)»²⁶. Здесь сформулированы, по сути, правила развертывания именно текстового суждения в его отличии от суждения-пропозиции: оно должно характеризоваться единством темы, полнотой признаков, выводимых из понятия как темы, и тождеством, или совпадением, этих признаков только с данным понятием.

Следующей особенностью текста, отличающей его от суждения-предложения, является то, что *обладает комплексной модальностью*, т. е. текст строится таким образом, что сначала то или иное положение представляется как возможное, затем как действительное, что показывает, что суждение произведено согласно принципу логического основания, вернее, принципу достаточного основания, а затем как необходимое, свидетельствующее о том, что ассерция произведена в соответствии с законами самого рассудка.

Однако в целом текст как глобальное макросуждение характеризуется аподиктической модальностью, т. е. модальностью необходимости. «В предисловии я выдвигаю идею изменения способа мышления, аналогичную упомянутой выше идее (идее Коперника) также всего лишь как гипотезу, *хотя в самом изложении она подается не гипотетически, а доказывается аподиктически, исходя из свойств нашего представления о пространстве и времени и элементарных понятий рассудка*»²⁷. (Курсив мой.— И. К.). В этом еще одно принципиальное отличие текстового суждения от отдельно взятого суждения-предложения (пропозиции).

Следующее отличие текстового суждения от отдельно взятого суждения-предложения в том, что оно представляет собой иллокутивный речевой комплекс²⁸, конституирование которого подчинено правилу, сформулированному Д. Л. Остином: «Если я высказал какое-то утверждение, то это обязывает меня к другим утверждениям»²⁹. И в другом месте: «Одно утверждение

обязывает нас к другому утверждению, один акт — к другому акту»³⁰. Это в целом соответствует одному из основных принципов трансцендентальной и формальной логик, согласно которому каждое утверждение и каждая вещь должны иметь свое основание³¹. Это означает, что, например, такой иллюкутивный акт, как полагание какого-либо тезиса или постулирование того или иного положения, влечет за собой такие иллюкутивные акты, как обоснование, доказательство, экземплификация, иллюстрация и т. д., то есть акты с функцией подтверждения сказанного соответствующим речемыслительным действием. Речевой континуум, таким образом, и особенно философский дискурс называемый Кантом термином «объяснение», или «истолкование» (Ergklärung), подчинен действию категорий «отношение». Подобно тому, как в основе суждения заложен принцип обусловленности одного понятия другим, также и в основе текста с качеством дискурса лежит априорный принцип обусловленности одной речевой формы другой, одного речевого акта другим. При этом следует, как кажется, иметь в виду различие между обусловливающими и обусловленными иллюкутивными актами. Первые выступают в функции парадигматизации текста, они как бы автосемантически в том смысле, что могут начинать какой-либо новый фрагмент или этап рассуждения без посредства какой-либо другой формы речи или другого иллюкутивного акта, хотя они их предполагают, т. е. содержат последующие иллюкутивные акты имплицитно. Например, акты полагания, утверждения, констатации, номинации, постулирования, дефиниции, напоминания, отступления, ретроспекции и т. д. Вторые иллюкутивные акты, такие как обоснование, доказательство, иллюстрация, пояснение, перефразирование и т. д., являются синсемантическими в том смысле, что они включаются в текст посредством автосемантических форм речи и выполняют в нем синтагматическую функцию, или, иными словами, тексторазвивающую функцию, в то время как первые выполняют текстообразующую функцию. Для того чтобы мыслить, вернее представлять себе эти виды форм речи в качестве образующих единство, понятие связи уже должно быть дано (в данном случае эта связь причинно-следственная), но в основе связности вообще лежит принцип речемыслительной апперцепции говорящего субъекта, обеспечивающий саму возможность связи.

Научный текст и, разумеется, текст философский представляет собой набор определенных иллюкутивных актов, следующих в определенной последовательности, которая повторяется, т. е. текст обладает качеством цикличности, повторяемости текстовых структур. В работе «О философии вообще» Кант указывает, что всякое сравнение эмпирических представлений предполагает некую соответствующую нашей способности суждения экономность и привычную нам однообразность форм, и это условие должно предшествовать всякому сравнению как априор-

ный принцип способности суждения³². Это указание имеет непосредственное отношение к текстовому априори, так как набор правил логико-семантической и иллокутивно-речевой организации текста ограничен, и сами эти правила реализуются в виде логических и речевых схем (фреймов) как пресуппозиционных форм «упаковки» текстового материала.

Одной из таких глобальных форм организации текста, отвечающей априорному принципу экономии и однообразия, является принцип взаимодействия вертикальной (парадигматической) и горизонтальной (синтагматической, от красной, или абзацной, строки вправо) осей текста. Это взаимодействие состоит, в частности, в том, что развертывание текста на синтагматической оси ограничено правилом темы, т. е. необходимостью постоянного возврата в той или иной форме и степени на вертикальную, тематическую ось текста для обеспечения его смысловой и формальной связности. Здесь уместно вновь вспомнить слова Канта о том, что при говорении мы должны постоянно возвращаться назад и заглядывать вперед, без чего связь не может быть обеспечена³³. Тем самым Кантом сформулировано еще одно пресуппозиционное (априорное) условие, делающее связность текста возможной. Именно это условие, на наш взгляд, лежит в основе тема-рематического развертывания текста и даже шире — его парадигматики и синтагматики как наиболее общих форм его организации и членения.

Итак, целью настоящей статьи было показать, что знаки языка и правила их сочетаемости представляют собой то данное в созерцании многообразное, которое организуется способностью суждения для конструирования текстовой модели того предмета, на которое познание направлено. При этом способность суждения помимо чисто языковых правил сочетаемости знаков использует также и более глубинные (априорные) правила синтактики, семантики и прагматики, в основе которых лежат еще более общие формы априори, категории, обеспечивающие саму возможность построения текста как продукта рефлексии и познавательной деятельности вообще.

Объем небольшой статьи, естественно, не позволяет остановиться более основательно на всех аспектах данной проблемы, поэтому ее обсуждение здесь следует расценивать как первую попытку в этом направлении.

¹ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 120.

² Gipper H. Das Sprach apriori. Stuttgart-Bad-Canntstatt, 1987. S. 110.

³ Rohs P. Transzendente Logik//Monographien zur philosophischen Forschung. Bd. 145. Meisenheim am Glan, 1979. S. 126.

⁴ Чернов С. А. Априоризм как философия субъекта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1987. Вып. 12. С. 24.

⁵ Schönrich G. Kategorien und transzendente Argumentation. Kant und die Idee einer transzendentalen Semiotik. Frankfurt am Main, 1981. S. 143.

⁶ Rosenkranz K. Geschichte der Kantischen Philosophie. Berlin, 1987. S. 271—272.

⁷ См., например: Schönrich G. Kategorien und transzendente Argumentation. Kant und die Idee einer transzendentalen Semiotik. Frankfurt am Main, 1981; Gipper H. Das Sprachapriori. Stuttgart-Bad-Canstatt, 1987, und andere.

⁸ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979. S. 178.

⁹ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren//Immanuel Kants kleine logisch-metaphysische Schriften. Leipzig, 1838. S. 73.

¹⁰ Kant I. Anthropologie. Leipzig. 1838. S. 39.

¹¹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 335.

¹² Ibid. S. 95 u. a.

¹³ Ibid. S. 361.

¹⁴ Kant I. Kritik der Urtheilskraft. Leipzig, 1979. S. 231.

¹⁵ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 180.

¹⁶ Erdmann Benno. Reflexionen Kants zur Anthropologie. Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen. Leipzig, 1882. S. 103.

¹⁷ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 177.

¹⁸ Schönrich G. Op. cit. S. 85.

¹⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 355.

²⁰ Ibid. S. 393.

²¹ Rosenkranz K. Op. cit. S. 136.

²² Нарский И. С. Диалектика в проблематике трансцендентальной аналитики Канта//Кантовский сборник. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 8.

²³ Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 382—383.

²⁴ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 237.

²⁵ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 255.

²⁶ Ibid. S. 156.

²⁷ Ibid. S. 26 (Anmerkung).

²⁸ Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах//НЗЛ. Вып. XVII. С. 130.

²⁹ Остин Д. Л. Слово как действие//НЗЛ. Вып. XVII. С. 111.

³⁰ Там же. С. 56.

³¹ Kant I. Über eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll//Immanuel Kants kleine logisch-metaphysische Schriften. Leipzig, 1838. S. 409.

³² Kant I. Über Philosophie überhaupt. Leipzig, 1979. S. 591.

³³ Erdmann Benno. Op. cit. S. 103.

Философия суждения на основе реконструкции некоторых онтологических и гносеологических представлений Канта

А. Н. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

(Калининградский государственный университет)

...несколько произвольным является наш отказ называть суждением смысл такого предложения (в обычном языке), которое имеет смысл, но не имеет истинностного значения¹.

А. Черч.

Под философией суждения мы понимаем систематизированное обсуждение вопросов, связанных с различием суждений и высказываний, их познавательных возможностей, аналитических и синтетических характеристик.

Если исходить из истории вопроса, то здесь мы имеем мощ-